

УДК 911.5

Е. А. Романова

**СОСТОЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
СОВРЕМЕННОГО ЛАНДШАФТОГЕНЕЗА**

5

Рассматриваются современные представления о культурных ландшафтах в рамках культурно-ландшафтного направления в отечественной и зарубежной географии, а также подходы к районированию культурных ландшафтов. Анализируемые подходы к ландшафтно-культурному и историко-географическому районированию представляются логичными и научно обоснованными, дают исчерпывающее представление о происхождении культурного ландшафта, как природном, так и историко-культурном. Но они не позволяют определить состояние культурных ландшафтов конкретной территории, ведь в зависимости от направления своего развития культурные ландшафты могут сохранить свой облик или совсем исчезнуть. Предложена методика определения степени социально-экономической обусловленности современного ландшафтогенеза. От последней зависит направление развития культурных ландшафтов – их сохранение или одичание.

The article deals with modern concepts of cultural landscapes in Russian and foreign geography, as well as approaches to the zoning of cultural landscapes. The approaches to landscape-cultural and historical-geographical zoning considered in the article appear to be logical and scientifically substantiated; they give an exhaustive picture of the origin of the cultural landscape, both natural and historical-cultural. However, they do not determine the state of the cultural landscapes of a particular territory, because, depending on their development trend, cultural landscapes can remain stable or completely disappear. A technique is proposed for determining the degree of socio-economic background of modern landscape development. The latter defines the landscape development trend, whether it comes to their stability or disappearance.

Ключевые слова: культурный ландшафт, культурно-ландшафтное районирование, социально-экономическая обусловленность, ландшафтогенез.

Key words: cultural landscape, cultural-landscape zoning, socio-economic conditioning, landscape development.

В российской географии изучение современных ландшафтов традиционно относится к сфере интересов физической географии. В последние десятилетия наряду с классическим ландшафтоведением появляется и набирает силу еще одно направление изучения современных ландшафтов – культурно-ландшафтное. Представители этого

направления активно используют термин «культурный ландшафт», но часто понимают под ним отдельные исторически или культурно ценные элементы, в большинстве работ культурным элементам придается особая ценность, иногда они сакрализируются [16]. Представители классического отечественного ландшафтоведения термин «культурный ландшафт» или не употребляют, или понимают под ним частный случай антропогенного ландшафта [18].

Культурный ландшафт и культурно-ландшафтная парадигма в современном ландшафтоведении

6

Ярким течением в рамках этого направления стало этнокультурное ландшафтоведение, которое дает реальные результаты для изучения ландшафтов территорий проживания традиционных или реликтовых этнических групп. Важной составной частью исследований здесь является изучение не только материального, но и ментального и семантического слоя — отражению особенностей территории в песнях, литературных произведениях и в устном творчестве [15]. Близки к этнокультурному ландшафтоведению и методы гуманитарной географии (Д. Н. Замятин), которая изучает образы территорий [8].

В рамках культурного направления ландшафт рассматривается как природно-культурное наследие. Как известно, в 2004 г. ЮНЕСКО была принята Декларация о культурных ландшафтах и предложена следующая их классификация: ландшафты, целенаправленно созданные человеком (например, парки и памятники); эволюционировавшие ландшафты (созданные спонтанной деятельностью общества) и ассоциативные (места, связанные с какими-либо событиями или конкретными личностями) [42]. Этот аспект направления имеет большое практическое значение, так как связан с выявлением и сохранением ценных природных и культурных объектов.

Несколько особняком в этом направлении выглядят работы Р. Ф. Туровского, посвященные не только районированию культурных ландшафтов (в том числе и по лингвистическим, конфессиональным и природным признакам), но и региональной идентичности [36; 37].

Антропологическое течение в рамках культурно-ландшафтной парадигмы формируют работы В. А. Тишкова [35] и А. Бикбова [5], которые посвящены исследованию наряду с геопространством также пространства социального, поведенческого, информационного, психологического и воображаемого. Сюда же следует отнести работы И. И. Митина, в частности «Место как палимпсест» [23], сближающие это направление с работами западных исследователей Д. Мейнинга [41], Дж. и Н. Данкан [39].

Особое направление — культурный регионализм — в рамках этой парадигмы разрабатывает В. Н. Стрелецкий. Культурный регионализм понимается им как особое географическое явление, которое описывает культурные различия между регионами и их восприятие местными сообществами [32 — 34].

С некоторой натяжкой к этой парадигме можно отнести работы В. А. Низовцева [24], который выделяет природные и антропогенно-производные ландшафтные комплексы, а также природно-хозяйственные системы, и рассматривает следующие ряды антропогенно-измененных ландшафтов: антропогенно-модифицированные природные ландшафты, природно-антропогенные ландшафты, антропогенные ландшафты, среди них — культурные, а внутри последних — культурно-исторические, которые могут объединяться в ландшафтно-исторические комплексы и поддаются районированию — выделяются культурно-исторические районы.

В рамках этой парадигмы интересно определение ландшафта Е. Ю. Колбовского: «Ландшафт — феномен культуры, отражающий пространственные реалии жизни социума, с одной стороны, и система, эмерджентные свойства которой позволяют ей выступать в качестве цели и средства (объекта и инструмента) экологического планирования» [17, с. 7]. В отличие от сторонников «природной» парадигмы исследователь концентрируется не только на изучении природной основы, но и на тех частях территориальных комплексов, которые целиком созданы людьми: градостроительных структурах. Автор не только не отрицает существование культурного ландшафта, но также подробно рассматривает его свойства, считая, что это освоенное, социальное и историческое пространство, которое является функциональной системой: «Культурный ландшафт подвержен изменениям; изменяясь, он трансформируется и эволюционирует» [17, с. 12]. Открытость культурного ландшафта как модели, по мнению Е. Ю. Колбовского, позволяет осознанно воздействовать на ее структуру и функционирование; и в этом заключена необходимость экологической организации территории, в том числе средствами ландшафтного планирования.

Термин «культурный ландшафт» широко используют приверженцы теоретико-географического направления в современном ландшафтоведении, главными представителями которого являются Б. Б. Родоман [25] и В. Л. Каганский [12–14]. Природные и культурные компоненты при этом подходе равноправны и взаимосвязаны. Они рассматриваются сходным образом: как ареалы, сети и районы и как разные «слои» одной и той же территории. Из теоретической географии (прежде всего работ Б. Б. Родомана [26]) для изучения современных ландшафтов можно почерпнуть немало полезного, но назвать данный подход полностью применимым для изучения ландшафтов конкретных территорий пока нельзя. В частности, Б. Б. Родоман во многом рассматривает культурный ландшафт как конструируемый (то есть несуществующий, идеальный) объект. А В. Л. Каганский в работе «Культурный ландшафт в постсоветской России» (2007) прямо замечает, что поскольку эмпирическое исследование культурных ландшафтов в настоящее время затруднено и необязательно, то их изучение совпадает с теоретической географией [11].

Как мы видим, единого представления о культурных ландшафтах даже у представителей одного направления нет. Это обстоятельство стало основной причиной отсутствия единой общепринятой систематики культурных ландшафтов и методики их районирования. В насто-

ящее время наиболее разработанными и, что немаловажно, опробованными на практике, являются подходы Ю. А. Веденина и М. Е. Кулешовой (Институт наследия) [7] и таксономическая система и принципы историко-географического районирования А. Г. Манакова и А. А. Андреева [22]. В первом случае районирование культурных ландшафтов строится на выделении на конкретной территории очагов инновационной и традиционной культуры, путей коммуникаций и сопредельных территорий, а типология культурных ландшафтов закреплена нормативно [29]. Второй подход представляется нам более универсальным, так как сочетает внимательное отношение к природным особенностям ландшафта с социально-экономическими объектами и явлениями территории [1–4, 19–21]. Кроме того, методика районирования, разрабатываемая представителями этого подхода, позволяет выходить за рамки отдельного региона.

Большая часть западных исследований, связанных с современным ландшафтом, относится к культурной парадигме. Начиная с работ Карла Зауера под словом «ландшафт» понимали прежде всего его облик со всей совокупностью природных и рукотворных компонентов, поэтому изучение ландшафта там было заменено на «интерпретацию» [40]. В некоторых случаях интерпретация ландшафта как текста уводит исследователей от географии. Например, понимание ландшафта в рамках постструктурализма прослеживается в работах Д. и Н. Данкан [39], Т. Барнса [38], которые считают ландшафт особым текстом с нестабильным значением, фрагментарной или вообще отсутствующей связностью и неразрешимыми социальными противоречиями, что приближает их к философскому течению структурной семиотики (известному нам по работам Клода Леви-Строса и Умберто Эко), но отдаляет от ландшафтов как от реально существующих географических объектов. В отличие от представителей российской культурно-ландшафтной парадигмы вопросы таксономии и районирования западные исследователи не интересуются.

Степень социально-экономической обусловленности современного ландшафтогенеза как показатель состояния культурных ландшафтов территории

Как мы видим, отечественных и западных исследователей культурного ландшафта роднит отношение к нему как к объекту реконструкции (или интерпретации), главный метод изучения современного ландшафта – ретроспективный, а основная задача – его сохранение или восстановление. Исходя из этого, нам представляется очевидным вывод о том, что современное состояние культурного ландшафта на каждой конкретной территории напрямую связано со степенью ее нынешней освоенности, то есть от особенностей ее систем расселения и землепользования. Там, где степень современной освоенности ландшафтной среды невелика, ранее созданные культурные ландшафты находятся в состоянии определенной заброшенности. Например, в областях Европейской части России, испытывающих депопуляцию, вели-

ко количество обезлюдивших сельских населенных пунктов, дорожная сеть редуцирована, велико количество многолетних залежных земель. В этой связи кажется уместным вспомнить определение культурного ландшафта Ю.Г. Саушкина: человек создает культурный ландшафт на основе природного, изменяя его компоненты, но новый ландшафт продолжает жить по природным законам. Если воздействие человека на ландшафт прекратится, он будет развиваться по тем же законам, но уже без участия человека [30]. Еще один классик отечественной географии, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, подразделял ландшафты на первобытные, полудикие, культурные, дичающие, одичавшие [31].

Итак, на любой территории разнообразие современных состояний культурных ландшафтов даже одного природного генезиса довольно велико и зависит от степени освоенности среды, так как на отдельных территориях современный ландшафтогенез обусловлен в большей степени природными факторами, а на других территориях, наоборот, — общественными. Чтобы определить районы, где превалирует один из этих двух факторов, нами был предложен индикатор социально-экономической обусловленности современного ландшафтогенеза. Он представляет собой синтетический показатель характеристик антропогенной дифференциации ландшафтной среды территориальной единицы и складывается из пяти компонентов: средней плотности населения; степени лесистости (пастбищности) и степени распаханности; доли земель, занятых застройкой (селитьба, промышленность и транспортная сеть); а также доли незатронутых человеческой деятельностью ландшафтов (голых скал, песков, водно-болотных угодий, ледников и пр). Конкретное значение индикатора показывает степень социально-экономической обусловленности современного ландшафтогенеза и рассчитывается по приведенной ниже таблице.

Вычисление индикатора и определение степени социально-экономической обусловленности современного ландшафтогенеза

Балл	Показатель							
	Плотность населения (чел./ кв. км)	Степень лесистости (% от общей площади территории)	Степень распаханности (% от общей площади территории)	Доля земель под застройкой (% от общей площади территории)	Доля неосвоенных территорий (% от общей площади территории)	Доля пастбищ (рассчитывается только для горных и засушливых районов с малой степенью лесистости); вычитается из балла лесистости	Сумма баллов	Степень социально-экономической обусловленности современного ландшафтогенеза
1	≤ 10	≥ 70	≤ 5	≤ 1	≥ 8	Менее 20	≤ 10	Крайне низкая
2	10–40	50–70	5–15	1–2	4–8	20–40	11–13	Низкая
3	40–70	30–50	15–25	2–4	2–4	≥ 40	14–16	Средняя
4	70–100	10–30	25–35	4–8	1–2	Не рассчитывается	17–19	Высокая
5	≥ 100	≤ 10	≥ 35	≥ 8	≤ 1	Не рассчитывается	≥ 20	Исключительно высокая

Чем выше значение индикатора и степень социально-экономической обусловленности современного ландшафтогенеза, тем большую роль в ландшафтогенезе играют общественные факторы, которые изменяют существующий ландшафт посредством расселения и землепользования. Чем ниже, — тем в большей степени современный ландшафтогенез обусловлен природными факторами, но это обстоятельство лишь иллюстрирует пространственную неоднородность общественных явлений, так как отказ от сплошного освоения этих территорий является определенным этапом развития территориальных общественных систем и конкретной региональной политики относительно них.

Предлагаемая методика не противоречит существующим системам ландшафтного [10], историко-географического [6; 9] и культурно-ландшафтного районирования [1–3; 20], а дополняет их, позволяя определить направление развития ландшафтной среды конкретных территорий и современное состояние культурных ландшафтов.

Современное состояние культурных ландшафтов территории Калининградской области

На основе природного генезиса ландшафтов и степени социально-экономической обусловленности современного ландшафтогенеза, становится возможным производить более подробное картирование территории, причем одинаковые по природному генезису территории, имеющие разные величины индикатора обусловленности, могут демонстрировать совершенно разный облик современных культурных ландшафтов, что доказывает ландшафтообразующее действие общественных факторов, в первую очередь расселения и землепользования. Наши исследования на территории Калининградской области полностью подтверждают это. Калининградская область — староосвоенная территория, культурные ландшафты здесь начали формироваться еще в XIII в. на основе природных комплексов, созданных последним четвертичным оледенением и в результате процессов, формировавших природную среду после ледника [27]. Главными генетическими видами ландшафтов региона стали ландшафты ледникового происхождения (равнины основной морены, конечно-моренные возвышенности, озерно-ледниковые и зандровые равнины), ландшафты флювиального происхождения (дельтовые низменности, древние аллювиальные равнины, современные долинные комплексы) и ландшафты морского и лагунного происхождения (прибрежные лагунные низменности, приморские эоловые образования, морские абразионные и аккумулятивные берега). Моренные равнины, преимущественно волнистые и полого-холмистые, занимают центральную часть области, протянувшись от Калининградского полуострова на западе к ее восточным границам. Другой массив ландшафтов ледникового происхождения представлен на юге области. Вармийско-Виштынецкая возвышенность, центральная часть которой располагается на территории Польши (Сувалкская возвышенность), присутствует в области двумя своими отрогами — на

юго-западе и на крайнем юго-востоке. Максимальная отметка высоты (242 м) находится вблизи Виштынецкого озера, имеющего ледниковое происхождение. Конечно-моренные возвышенности имеют пересеченный рельеф, в основном заняты лесными массивами на легких бурых лесных и скрытоподзолистых почвах. Обширная озерно-ледниковая равнина располагается между двумя отрогами Вармийско-Виштынецкой возвышенности и характеризуется исключительно плоским наклонным рельефом. Второй крупный ареал распространения озерно-ледниковых отложений находится на северо-востоке области. Эти равнины заняты в основном сельскохозяйственными землями, местами заболочены. Приморские ландшафты представлены абразионными и аккумулятивно-абразионными берегами Калининградского полуострова и аккумулятивными берегами Вислинской и Куршской кос. Аккумулятивные тела кос осложнены эоловыми комплексами, в том числе движущимися и закрепленными дюнами. Берега Вислинского и Куршского заливов с материковой стороны заняты приморскими лугами и прибрежными низинными болотами [28].

Древняя дельта реки Неман занимает крайний северо-запад области и представляет собой обширную низменную равнину, занятую низинными и верховыми болотами и польдерами и имеющая сложную гидрографическую сеть. Местами выделены участки материковых дюн и массивы переветренных песков. Большая часть древнедельтовой низменности занята сельскохозяйственными землями. Долинные комплексы рек Немана, Преголи и Шешупе и их притоков имеют хорошо выраженные, местами заболоченные поймы со старицами и в нижнем течении многочисленными рукавами. Поймы вне населенных пунктов заняты гигрофильными лугами и черноольховыми лесами. На северо-востоке области в междуречье Немана и Шешупе, а также к югу от него, располагается большой массив древнеаллювиальных отложений, претерпевших эоловую переработку и в настоящее время занятый широколиственно-хвойными лесами. Южная часть песчаного массива подстилается озерно-ледниковыми глинами, что обусловило наличие на этой территории больших массивов торфяных болот.

Территория области осваивалась человеком в течение многих веков, но преобразование природных ландшафтов было постепенным. Следы прусского освоения территории в настоящее время присутствуют лишь в виде отдельных археологических памятников (курганов) и в современных культурных ландшафтах региона значимой доли не занимают. Самым главным видом землепользования, имеющим максимальное пространственное выражение в регионе, является сельское хозяйство. Территория Калининградской области до Второй мировой войны относилась к северной части Восточной Пруссии, в 1939 г. большая часть территории была занята сельскохозяйственными угодьями, причем доля пахотных земель составляла 68 %. Перед войной осушалось до 80 % территории области. Польдерные системы занимали примерно 78 тыс. га земель, включали 58 польдеров, 96 насосных станций [27]. В настоящее время лесистость территории области возросла, а степень распа-

ханности уменьшилась. Огромные изменения претерпела система расселения территории. Общая численность населения, проживавшего в пределах территории нынешней Калининградской области на 17.05.1939 г. составляла 1107197 человек. На 01.01.2016 г. численность населения области составила 976439 человек. Средняя плотность населения в 1939 г. составляла 83,5 чел. на км², средняя плотность населения области сейчас — 74,3 чел. на км².

Учитывая то обстоятельство, что все названные изменения выражены на территории крайне неоднородно, облик современных культурных ландшафтов региона, даже имеющих один природный генезис, весьма разнообразен. Некоторые бывшие пахотные земли заболотились, многие автомобильные и железные дороги присутствуют в современном ландшафте только в виде насыпей или выемок, или рядов когда-то придорожных старых деревьев. В других местах бывшие луга и пустоши превратились в селитбу с тесной застройкой, некоторые болота полностью выработаны до минерального дна, а многолетние залежные земли вновь распаханы. Сочетание районирования территории Калининградской области по природному генезису ландшафтов и определение степени социально-экономической обусловленности современного ландшафтогенеза ее территориальных единиц позволяет получить более емкое представление о современном облике ее культурных ландшафтов. В настоящее время соотношение культурных ландшафтов с разной степенью социально-экономической обусловленности современного ландшафтогенеза, и соответственно, с разной степенью одичания, в районах, имеющих разный природный генезис, неодинаково. Наибольшее количество культурных ландшафтов с малой степенью общественной обусловленности ландшафтогенеза демонстрируют прибрежные лагунные низменности и район древней дельты Немана. Там из-за сокращения сети осушительных каналов и насосных станций более 20 % площади культурных ландшафтов заброшены. Наименьшее количество таких ландшафтов (менее 5 % площади) приурочено к современным долинным комплексам. На территории Калининградской области среди культурных ландшафтов также ярко выражен эффект линейной поляризации. Из-за того что граница между Калининградской областью и Польшей в течение длительного времени была почти непроницаема, в приграничной полосе резко возрастает площадь одичавших культурных ландшафтов (до 30 %): здесь велика доля исчезнувших в послевоенное время селитебных и дорожных ландшафтов и многолетних залежей среди сельскохозяйственных угодий.

Заключение

Рассмотрев различные методики культурно-ландшафтного и историко-географического районирования, представляется рациональным дополнить их инструментом, который позволил бы не только определить происхождение культурного ландшафта, как природное, так и

культурно-историческое, но также свидетельствовал бы о современном его состоянии. Состояние культурного ландшафта, на наш взгляд, во многом зависит от состояния систем расселения и землепользования каждой конкретной территории, то есть от степени ее освоенности. На определенной территории могут преобладать природные процессы развития современных культурных ландшафтов, а могут, наоборот, общественные. В качестве инструмента, который позволяет определить, какие процессы обуславливают современный ландшафтогенез на конкретной территории и тем самым определяют современное состояние культурных ландшафтов, предложен синтетический показатель — индикатор социально-экономической обусловленности современного ландшафтогенеза. Апробация предложенной методики на территории Калининградской области показала высокую степень эффективности ее использования при изучении культурных ландшафтов староосвоенных территорий.

Список литературы

1. Андреев А. А. Культурно-ландшафтное районирование территории Псковской области // Псковский регионологический журнал. 2011. №11. С. 113—131.
2. Андреев А. А. Опыт культурно-ландшафтного районирования России // Псковский регионологический журнал. 2012. №13. С. 12—25.
3. Андреев А. А. Опыт районирования культурно-ландшафтных систем европейской части России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 1. С. 44—50.
4. Андреев А. А. Типология культурных ландшафтов Псковской области // Псковский регионологический журнал. 2012. №14. С. 152—166.
5. Бикбов А. Социальное пространство как физическое: иллюзии и уловки // Отечественные записки. 2002. №6(7). С. 63—64.
6. Вампилова Л. Б., Манаков А. Г. Опыт историко-географического районирования северо-запада европейской России // География и природные ресурсы 2015. №1 С. 167—174.
7. Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Сер. геогр. 2001.
8. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб., 2003.
9. Исаченко А. Г. Принципы историко-географического районирования (на примере Северо-Запада Европейской России) // Известия РГО. 2013. Т. 145, вып. 1. С. 3—20.
10. Исаченко А. Г. Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. М., 1991.
11. Каганский В. Л. Культурный ландшафт постсоветской России // Cultural landscapes as a Heritage Future: a Comparative Study of the UK and Russia : матер. семинара. М., 2007.
12. Каганский В. Л. Ландшафт как земное тело человека и его герменеврирование (феномен культурного ландшафт и подходы к нему) // Логос живого и герменевтика телесности. Постижение культуры: Ежегодник. 2005. Вып. 13—14.
13. Каганский В. Л. Постсоветская культура: вид из ландшафта // Обсерватория культуры. Журнал-обозрение. 2006. №3.
14. Каганский В. Л. Пространственные аспекты культурного ландшафта современной России : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2009.

15. *Калуцков В.Н., Иванова Ю.А. и др.* Культурный ландшафт Русского севера: Пинежье и Поморье. М., 1998.
16. *Калуцков В.Н., Красовская Т.М.* Представления о культурном ландшафте: от профессионального до мировоззренческого // Вестник МГУ. Сер. 5: География. 2000. №4. С. 3–6.
17. *Колбовский Е.Ю.* Ландшафтное планирование : учеб. пособие. М., 2008.
18. *Ливинская О. А.* Понятие культурного ландшафта в отечественной географии // Псковский регионологический журнал. 2012. №14. С. 120–129.
19. *Манаков А.Г.* Основы культурно-географической регионалистики : учеб. пособие для вузов. Псков, 2006.
20. *Манаков А. Г., Андреев А. А.* Культурно-ландшафтное районирование Северо-Запада России // Балтийский регион. 2011. №4(10). С. 134–144.
21. *Манаков А. Г., Андреев А. А.* Культурные ландшафты как объект исследований региональной географии культуры. Псков, 2012.
22. *Манаков А.Г., Андреев А.А.* Историко-географическое районирование России как междисциплинарный исследовательский проект // Псковский регионологический журнал. 2011. №12. С. 101–112.
23. *Митин И.И.* Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты. Ростов н/Д, 2014. С. 147–156.
24. *Низовцев В. А.* К теории антропогенного ландшафтогенеза. URL: <http://www.izdatgeo.ru> (дата обращения: 02.03.2017).
25. *Родоман Б.Б.* Поляризованная биосфера : сб. ст. Смоленск, 2002.
26. *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии Смоленск, 1999.
27. *Романова Е.А.* Возможности изучения культурных ландшафтов Калининградской области // Балтийский регион. 2011. №1(7). С. 115–125.
28. *Романова Е.А., Виноградова О.Л., Гагиева В.Э.* Современное состояние ландшафтной среды Калининградской области (методология и основные результаты) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 7. С. 149–156.
29. *Руководящие указания по применению Конвенции о Всемирном наследии; Всемирное культурное и природное наследие : документы, комментарии, списки объектов.* М., 1999.
30. *Саушкин Ю.Г.* Культурный ландшафт // Вопросы географии. М., 1946. Вып. 1. С. 97–106.
31. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Район и страна. М. ; Л., 1928.
32. *Стрелецкий В.Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. №4. С. 18–28.
33. *Стрелецкий В.Н.* Культурный ландшафт современной России // Там же. 2003. №2. С. 126–127.
34. *Стрелецкий В.Н.* Регионализм как феномен культуры // Региональные исследования. 2011. №3. С. 45–50.
35. *Тишков В.А.* Культурный смысл пространства. URL: www.ethnonet.ru/lib/0803-02.html (дата обращения: 10.10.2016).
36. *Туровский П. Ф.* Культурные ландшафты России. М., 1998.
37. *Туровский П. Ф.* Политическая регионалистика. М., 2006.
38. *Barnes T., Duncan J.* Writing worlds: discourse, text and metaphor in the representation of the landscape. L., 1992.
39. *Duncan J., Duncan N.* (Re) reading the landscape // Environment and Planning D: Society and Space. 1988. Vol. 6, № 2. P. 117–126.

40. Keough S. B. Cultural Landscape. URL:www.oxfordbibliographies.com (дата обращения: 05.03.2017).

41. Meinig D. W. Symbolic landscapes: some idealizations of American communities // The interpretation of ordinary landscapes: geographical essays. N. Y., 1979. P. 164–192.

42. UNESCO. URL:www.unesco.org/exhibits/cultland/categories.html (дата обращения: 11.03.2017).

Об авторе

Елена Альбертовна Романова – канд. геогр. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: alberta63@mail.ru

15

About the author

Dr Elena Romanova, Ass. Prof., I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: alberta63@mail.ru

УДК 911.9

И. С. Гуменюк

ИНТЕНСИВНОСТЬ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ ПОСЛЕ ПРИОСТАНОВКИ ДЕЙСТВИЯ МЕХАНИЗМА МЕСТНОГО ПРИГРАНИЧНОГО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ: ИТОГИ 2016 ГОДА

Проводится анализ интенсивности взаимных пресечений российско-польской государственной границы в период с 2002 по 2016 г., анализируется вклад механизма МПП в развитие связей между приграничными регионами сопредельных государств. Основной вывод, к которому приходит автор статьи, заключается в том, что, несмотря на сопутствующие для обоих государств недостатки и негативные последствия, запущенный в 2012 г. механизм МПП к 2015 г. стал важным инструментом развития социально-культурных и деловых контактов между Калининградской областью и приграничными воеводствами Республики Польша. Отказ от данного инструмента существенным образом отразился на интенсивности локальных контактов между районами расположенными по обе стороны государственной границы.

The mechanism of the local (or small) the cross-border movement is a form of cross-border cooperation. On the border between the Russian Federation and the Republic of Poland this mechanism worked from 2012 to 2016, and provided for a significant intensification of mutual border-crossing. In this case the suspension of the local border traffic regime on the Polish side, as well as the regime itself, caused a mixed reaction among both Polish and Russian regional experts and specialists. The article provides the analysis of the mutual intensity of the Russian-Polish border crossing in the period from 2002 to 2016. The author analyzes the contribution made by the cross-border